

УДК: 930 (2)

DOI: 10.25629/НС.2024.01.07

ЕЩЕ РАЗ О ВРЕМЕНИ СОЗДАНИЯ Г.Н. ТЕПЛОВЫМ «ЗАПИСКИ О НЕПОРЯДКАХ В МАЛОРОССИИ»

Круглова Т.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация

Разногласия в отношении времени написания Г.Н. Тепловым (1711?–1779) не датированной им «Записки о беспорядках в Малороссии» обозначились в исторической науке во второй половине XIX в. В 1857 г. было предложено отнести создание источника к годам правления Елизаветы Петровны. Спустя два десятилетия, в 1876 г., датировка была объявлена ошибочной, и высказано мнение о написании текста в начале царствования Екатерины II. Сегодня в историографическом пространстве сосуществуют оба мнения, правда, с доминированием второго. Оппоненты, не соглашаясь между собой в датировании «Записки о беспорядках в Малороссии», едины в определении ее жанра как послания, адресованного или Елизавете Петровне, или Екатерине II. В настоящей статье аргументирована гипотеза о двух этапах работы Г.Н. Теплова над «Запиской о беспорядках в Малороссии». Гипотеза выдвинута на основе разночтений, выявленных при словном сравнении текстов в известных сегодня трех списках источника. Согласно результатам анализа полученных фактов, Г.Н. Теплов приступал к написанию текста дважды и оба раза при Елизавете Петровне. Время работы Г.Н. Теплова над «Запиской о беспорядках в Малороссии» может быть ограничено промежутком с конца 1750-х гг. до начала 1760-х гг., точнее, до кончины императрицы 25 декабря 1761 г.

Ключевые слова

«Записка о беспорядках в Малороссии», Г.Н. Теплов, датировка, текстологический анализ, разночтения, варианты текста, адресаты, императрица Екатерина Алексеевна, императрица Елизавета Петровна, императрица Екатерина II.

Введение

В новейшей исторической литературе недатированная «Записка о беспорядках в Малороссии» (далее – «Записка») Г.Н. Теплова большинством ученых признается общественно-политической программой реформирования Малой России с «имперских, централизаторских позиций», представленной «осенью 1763 г. ... Екатерине II Г. Тепловым» [3]. Также утверждается, что реализация этой программы привела в 1764 г. к отставке малороссийского гетмана К.Г. Разумовского и упразднению института гетманства. В данный контекст «Записку» поместил в 1876 г. С.М. Соловьев, предопределив таким образом ее датирование первыми годами царствования Екатерины II [13, с. 340, 587]. Хотя ни С.М. Соловьев, ни его последователи не доказали правомочность связывать «Записку» с реформаторской деятельностью самодержицы, датировка постепенно стала господствовать в историографии, почти вытеснив предыдущую, согласно которой Г.Н. Теплов создал текст в годы правления Елизаветы Петровны [8, с. 3–30].

Источники исследования

От неопределенности относительно времени появления «Записки» исследователям не удалось аргументированно уйти в первую очередь из-за ограниченной источниковой базы. Действительно, сегодня нет ни оригинала «Записки», ни черновых или беловых рукописных списков, никакой-либо документации, сопровождавшей ее написание. Историки располагают только текстами трех разновременных публикаций источника. В 1857 г. рукопись «Записки» издал писатель, публицист, историк П.А. Кулиш (1819–1897) [5, с. 169–196]. Далее этот текст будем называть списком Кулиша. В 1882 г. «Записку» из обширнейшего архива Воронцовых обнаружил археограф, историк, издатель П.И. Бартенев (1829–1912) [4, с. 350–381]. Его публикация (далее – список Воронцова) оставалась до второй половины XX в. без внимания ученых из-за того, что они не установили родство этого текста с текстом, уже введенным в научный оборот П.А. Кулишом. Наконец, в 1911 г. последнее, третье, издание «Записки» было осуществлено историком, общественно-политическим и государственным деятелем Н.П. Василенком (1867–1935), по фамилии которого будем называть текст списком Василенка [2, с. 29–54].

Историография

Нельзя сказать, что в течение XX столетия вопрос о соотношении опубликованных текстов «Записки» совсем не поднимался. Его бегло затронули Н.П. Василенко и канадский историк Зенон Е. Когут, интерес которых к текстологическим занятиям, впрочем, не носил специальной источниковедческой направленности.

Н.П. Василенко стал первым, кто получил возможность провести сравнительное исследование текстов «Записки». Для этого он располагал публикацией П.А. Кулиша и рукописным текстом, который собирался издать, но было ли проведено их полномасштабное текстологическое сопоставление, сказать трудно. Похоже, для Н.П. Василенка тексты были идентичными априори. Уверенность ученого в их совпадении опиралась на известную ему информацию о происхождении списков. Так, Н.П. Василенко заявил, что публикуемый им список появился «в 1850-х годах одновременно со списком, который был подготовлен для М.О. Судиенка, тогдашнего председателя Киевской комиссии для разбора древних актов. В этом списке (считаем, что здесь имеется в виду список Судиенка. – Т.К.) “Записка”, опубликованная Кулишом, содержит вторую часть всей “Записки” Теплова. ... Почему Кулиш не напечатал первой части “Записки” – неизвестно» [2, с. 13]. Н.П. Василенко, таким образом, полагал, что, во-первых, П.А. Кулиш издал текст, снятый для М.О. Судиенка с какого-то неизвестного списка, но не в полном объеме; во-вторых, принадлежащая ему рукопись «Записки», тождественная списку Судиенка благодаря общему протографу, тождественна и печатному тексту П.А. Кулиша. Поскольку из поля зрения историков список Судиенка исчез, судя по всему, еще до 1911 г., постольку Н.П. Василенко мог сравнить тексты только своего списка и второй части «Записки» в публикации П.А. Кулиша. Но был ли смысл сопоставлять одинаковые тексты?

По-видимому, упоминание Н.П. Василенком списка Судиенка, несмотря на его утрату, отнюдь не случайно. Это было сделано для того, чтобы подчеркнуть его место среди других списков, а также указать на общее происхождение всех текстов «Записки», о которых было известно в середине XIX в.

Список, положенный в основу первой публикации «Записки» и утраченный впоследствии, появился благодаря активной археографической деятельности М.О. Судиенка (1802–1874). Он издал ряд источников, а также задумал серийное издание «Материалы для отечественной истории», имея в виду источники XVIII в. по истории Малой России. Условия развития этого археографического проекта М.О. Судиенко изложил в «Предисловии» к первому тому: «Издание “Материалов для отечественной истории” имеет целью обнаружить исторические памятники, которых еще так много находится в правительственных и частных архивах. Продолжение издания зависит от накопления источников; хронологический порядок и систематическое расположение не будут стеснять издателя» [11, с. I]. В свет вышли два тома; для последующих выпусков материал собирался, и, вероятно, рукописная копия «Записки» предназначалась для

одного из будущих томов. Однако замысел не был реализован М.О. Судьенком полностью, и честь первым познакомить научную общественность с «Запиской», публикация которой сразу вызвала дискуссию о ее происхождении, выпала П.А. Кулишу.

Во второй половине XX в. о соотношении текстов «Записки», но уже в списках Воронцова и Василенка, кратко высказался Зенон Е. Когут. При сопоставлении списков он искал смысловые разночтения, но их не обнаружил. Результаты сличения списков были изложены историком в одном предложении: «Он (печатный текст списка Воронцова. – Т.К.) отличается всего несколькими второстепенными выражениями от версии, опубликованной Н. Василенком...» [16, р. 96, fn. 91; 6, с. 90, сн. 4]. Фактически декларировав идентичность сопоставленных текстов, Зенон Е. Когут отметил без каких-либо объяснений авторитетность для него текста в списке Василенка.

При координировании точек зрения Н.П. Василенка и Зенона Е. Когута на соотношение текстов «Записки» можно прийти к выводу о их максимальной схожести во всех трех списках. В самом деле, если текст тождествен в списках, с одной стороны, Кулиша и Василенка, а с другой – Василенка и Воронцова, то текст списков Кулиша и Воронцова, сличение которых никогда не проводилось, также должен, по правилам логики, совпадать. А поскольку в текстологии идентичность чтений подразумевает идентичность происхождения сравниваемых источников, постольку и вопрос о датировании текста каждого из трех списков будет решен одинаково. Таким образом, к концу XX в. появилось негласное обоснование нецелесообразности текстологического анализа «Записки».

В начале текущего столетия проблема родословия списков «Записки» была актуализирована благодаря результатам их пословной сверки. Скрупулезное сопоставление текстов выявило различия, которые лишь на первый взгляд могут однобоко оцениваться как «второстепенные». Принципиально важное значение они имеют для источниковедческого изучения «Записки», поскольку позволяют сделать вывод о вариантах ее текста, выполненных автором в разное время, иначе говоря, дают основание выдвинуть гипотезу о поэтапном создании источника. Впервые гипотеза была представлена нами следующим образом: «Сегодня источник известен по трем публикациям, каждая из которых воспроизводит разные его списки, отличающиеся друг от друга объемом и степенью разработанности текста. В ходе текстологического анализа нами предварительно были выделены две редакции источника, условно названные краткой и пространной. Краткая редакция сохранилась в единственном списке – *Воронцовском*. Он содержит первоначальный (относительно других известных сегодня текстов) вариант. К пространной редакции, в основе которой лежит переработанный текст краткой, мы относим *список Кулиша и список Василенка*» (курсив в публикации. – Т.К.) [8, с. 5].

Цель и методы исследования

Исследование, проводимое в настоящей статье, обосновывает гипотезу о поэтапной работе Г.Н. Теплова над текстом «Записки». Доказательной базой служат разночтения, полученные при пословном сравнении текстов «Записки» в трех ее списках. Были интерпретированы те различия, которые детализируют работу Г.Н. Теплова во времени. Таких несовпадений немного, и из них главное – несогласованность в использовании автором кратких формул императорского титула. Также с точки зрения возможностей, с одной стороны, доказать гипотезу, а с другой – датировать этапы создания «Записки» были проанализированы расхождения в описании ареста в Петербурге в 1724 г. наказного малороссийского гетмана Павла Полуботка и малороссийской старшины и освобождении ее в следующем году.

Исследование

Личное имя самодержицы, в годы царствования которой возник источник, отсутствует во всех списках. Исключением являются заголовки к «Записке» в списках Кулиша и Василенка, где упомянута императрица Елизавета Петровна. При датировании «Записки» именно на ее имя ориентировались многие историки XIX в. В списке Кулиша заголовков таков: «Записка

члена Малороссийской коллегии Григория Николаевича Теплова, *составленная в царствование императрицы Елисаветы Петровны, “О не порядках, которые происходят от злоупотребления прав и обыкновений, грамотами подтвержденных Малороссии”*» (курсив наш. – Т.К.) [5, с. 169]. В заголовке списка Василенка повторено с небольшим уточнением время написания «Записки» при Елизавете Петровне: «Секретнейшие примечания нынешнего состояния Малороссии. Сочинение Теплова, члена Малороссийской коллегии. *Писано в царствование императрицы Елисаветы между 1752 и 54-ми годами*» (курсив наш. – Т.К.) [2, с. 29].

Вместе с тем уже давно, с начала XX в., в исторической литературе утверждается, что эти заглавия неавторские. Они, по мнению Н.П. Василенка – сторонника гипотезы С.М. Соловьева о возникновении «Записки» в связи с подготовкой реформы управления Малой Россией, составлены позднейшими переписчиками. О происхождении заголовка в своем списке Н.П. Василенко рассуждал следующим образом: «Заголовок “Записки” не принадлежит Теплову. Его дал позже кто-то другой. Тот, кто озаглавил “Записку”, не знал уже ни ее автора, ни условий, при которых она появилась. В заголовке Теплов назван членом Малороссийской коллегии. Теплов никогда им не был, да и самой Малороссийской коллегии во времена Елисаветы Петровны, к которым отнесено составление “Записки”, не существовало. Очевидно, заголовок сделан наобум. Когда его сделали, нельзя точно сказать. Может, в конце XVIII или в начале XIX в. ...» [2, с. 22–23].

С мнением о чужеродности заголовков в той форме, в какой они представлены в обоих списках «Записки», и наличии в них ошибок следует согласиться [8, с. 7–9, 17–19]. Но нельзя согласиться с тем, что заголовки составлялись «наобум» изначально.

Учитывая длительную историю бытования «Записки» в рукописном виде, можно предположить, что в обоих анализируемых списках заголовки сложились в несколько приемов. Иначе говоря, в ранее составленный заголовок мог вмешаться, желая уточнить сведения об авторе «Записки» и времени ее создания, кто-то из последующих переписчиков. К подобным вмешательствам относятся, на наш взгляд, слова «члена Малороссийской коллегии». Именно эта вставка исказила предыдущий вполне логичный вариант заглавия. Действительно, если ее изъять, то у исследователей не будет оснований говорить о бессмысленности содержания заголовков, но появятся основания признать достоверными их хронологические элементы.

О наличии в обоих заголовках достоверной хронологической информации свидетельствует тот путь, которым, определяя время работы Г.Н. Теплова над текстом, могли идти их составители. Они обратились к содержанию источника, выявили упомянутые в тексте события, современником которых мог быть автор. Дата самого позднего подобного события указывала на временную границу, после которой создавался текст. О высокой степени вероятности использования такой методики свидетельствует уточнение (хотя и ошибочное) хронологии в заголовке списка Кулиша: «*Писано в царствование императрицы Елисаветы между 1752 и 54-ми годами*» (курсив наш. – Т.К.). Крайние даты упомянутого в заголовке интервала, возможно, были извлечены из фрагмента авторского текста о проведении в 1750-х гг. в Малой России ревизий [4, с. 360; 5, с. 178; 2, с. 37; 8, с. 18–19]. Результаты подобного согласования содержания «Записки» и дат ряда ее известий вели неизбежно, ведут и в настоящее время к годам правления Елисаветы Петровны [8, с. 6–9, 28; 9, с. 233–236].

Таким образом, заголовок «Записки» без позднейших вставок вполне мог быть дан тексту не только, как считал Н.П. Василенко, в конце XVIII в. или начале XIX в., но и кем-то из младших современников Г.Н. Теплова, знакомых с реальными фактами его служебной биографии.

Теперь обратимся к заглавию «Записки» в списке Воронцова. П.И. Бартенев не пояснил, было ли оно авторским или он сам озаглавил источник для публикации. Но в любом случае, заглавие – «Записка о Малой России» – принципиально отличается от заглавий двух других списков. Оно лаконичное, без имени императрицы и без конкретных хронологических уточнений. Именно так Г.Н. Теплов мог назвать будущее сочинение, приступая к его написанию.

Итак, только в неавторских заглавиях двух из трех списков «Записки» встречается личное имя императрицы Елисаветы Петровны. В самой «Записке» вместо него или, как считает ряд

историков, вместо имени Екатерины II автор использовал официально принятые краткие безымянные формулы титулования: «Ее императорское величество» при упоминании самодержицы и «Ваше императорское величество» при обращении к ней. Если обе формулы распределить в каждом из сравниваемых списков, то получится следующая картина (таблица 1):

Таблица 1 – Распределение безымянных формул императорского титула в списках «Записки»

Список Воронцова	Список Василенка	Список Кулиша
«... следовательно, Ее императорскому величеству , подданством прежде приступления ее (Малой России. – <i>Т.К.</i>) под державу Российскую принадлежащая» [4, с. 354]	«... следовательно, Вашему императорскому величеству , яко преемнице всероссийского престола, прежде приступления ее (Малой России. – <i>Т.К.</i>) под державу Российскую, принадлежащая в подданство» [2, с. 32]	В публикации списка отсутствуют преамбула и первая глава. – <i>Т.К.</i>
«... множественное число деревень, принадлежащих в казну Ее императорского величества , разобрано самовольно партикулярными...» [4, с. 358]	«... множественное число деревень, собственно принадлежащих в казну Ее императорского величества , разобрано самовольно партикулярными...» [2, с. 35]	«... множественное число деревень, собственно принадлежащих в казну Ее императорского величества , разобрано самовольно партикулярными...» [5, с. 176]
«... сколько ныне налицо находится дворов посполитых, то есть крестьянских, надлежащих в казну Ее императорского величества ... » [4, с. 359]	«... сколько ныне налицо находится дворов свободных посполитых, то есть крестьянских, надлежащих в казну Вашего императорского величества ... » [2, с. 36]	«... сколько ныне налицо находится дворов свободных посполитых, то есть крестьянских, надлежащих в казну Вашего императорского величества ... » [5, с. 177]
«... следовательно, как казаков в службу Ее императорского величества , так и дворов посполитых в казну весьма прибыло бы...» [4, с. 359]	«... следовательно, как казаков в службу Вашего императорского величества , так и дворов посполитых в казну весьма прибыло бы...» [2, с. 36]	«... следовательно, как казаков в службу Вашего императорского величества , так и дворов посполитых в казну весьма прибыло бы...» [5, с. 177]
«... так что Ее императорское величество по избытию и плодородию сей земли весьма мало пользы от сего народа получает» [4, с. 364]	Титул отсутствует. – <i>Т.К.</i>	Титул отсутствует. – <i>Т.К.</i>
«Указы Ее императорского величества осуждают преступников именных указов к смерти...» [4, с. 366]	«Указы Вашего императорского величества осуждают преступников именных указов к смерти...» [2, с. 42]	«Указы Вашего императорского величества осуждают преступников именных указов к смерти...» [5, с. 184]
«Указы Ее императорского величества о рудных и горных местах повелевают ...» [4, с. 366]	«Указы Вашего императорского величества о рудных и горных местах повелевают ...» [2, с. 42]	«Указы Вашего императорского величества о рудных и горных местах повелевают ...» [5, с. 184]
«... а напоследок трудят высочайшую особу Ее императорского величества ». [4, с. 373–374]	Титул отсутствует. – <i>Т.К.</i>	Титул отсутствует. – <i>Т.К.</i>
«Оно (малороссийское право. – <i>Т.К.</i>) им вливает мнимую вольность и отличие от других верных подданных Ее императорского величества » [4, с. 375]	«... оно (малороссийское право. – <i>Т.К.</i>) им вливает мнимую вольность и отличие от других верных подданных Вашему императорскому величеству ... » [2, с. 49]	«... оно (малороссийское право. – <i>Т.К.</i>) им вливает мнимую вольность и отличие от других верных подданных Вашему императорскому величеству ... » [5, с. 191]
«... так и в интересе Ее императорского величества превеликий ущерб». [4, с. 376]	«... так и в интересе Вашего императорского величества превеликий ущерб» [2, с. 50]	«... так и в интересе Вашего императорского величества превеликий ущерб» [5, с. 191]
«Ущерб Ее императорского величества » интереса есть главный тот, что казаки живут в великом беспорядке ...» [4, с. 376]	«Ущерб Вашего императорского величества интереса есть главный тот, что казаки живут в великом беспорядке ...» [2, с. 50]	«Ущерб Вашего императорского величества интереса есть главный тот, что казаки живут в великом беспорядке ...» [5, с. 192]

Примечание. В таблице №1 формулы безымянного императорского титула выделены нами. – *Т.К.*

Данные таблицы 1 показывают, что во всех списках «Записки» местоположение кратких императорских титулов в пространстве текста совпадает, но списки различаются количеством и назначением формул.

В списке Воронцова титул «Ее императорское величество» использован одиннадцать раз, а «Ваше императорское величество» ни разу (см. таблицу 1). Этот факт позволяет сразу сделать однозначный вывод о том, что текст данного списка не адресовался ни Елизавете Петровне, ни Екатерине II.

В списках Кулиша и Василенка количество безымянных формул титулования императрицы меньше, чем в списке Воронцова, ибо в двух местах автор от них отказался (см. таблицу 1). В списке же Кулиша из-за отсутствия в его публикации преамбулы и первой главы количество формул сократилось еще на одну.

При сравнении фрагментов, приведенных в таблице 1, в списках Василенка и Кулиша обнаруживается замена характерной для списка Воронцова формулы упоминания императрицы формулой «Ваше императорское величество». В то же время, несмотря на, казалось бы, последовательное изменение титула в списках Василенка и Кулиша, в них один случай прежнего варианта именовании императрицы все-таки присутствует («... множественное число деревень, собственно принадлежащих в казну Ее императорского величества...» [2, с. 35; 5, с. 176]).

Совмещение в списках Василенка и Кулиша противоречащих друг другу формул титулования имеет принципиальное значение для размежевания текстов «Записки» во времени. Оно свидетельствует прежде всего о нарушении логики и стилистики текста, имеющего именно в этих списках бесспорные признаки делового послания, т.е. адресацию в виде краткой формы императорского титула. На фоне многократных обращений к императрице единственное ее упоминание является следствием недосмотра, допущенного автором при редактировании первоначального текста, где сбоев подобного рода не было. И таковым был, как показывают данные таблицы 1, текст списка Воронцова. Ввод прямого обращения к императрице в списках Кулиша и Василенка продиктован, без сомнения, намерением Г.Н. Теплова переадресовать «Записку», составленную ранее.

В исходном для переделки тексте нет указаний на его получателя. Но это не означает, что такового не было, поскольку любой текст создается в процессе коммуникационного акта, структурно представляющего «двувершинную систему, в которой выделяются прежде всего два участника коммуникации – отправитель и получатель (адресат и адресант)» [7, с. 23]. «Записка» могла быть задумана в жанре рассуждения о состоянии дел в Малой России и сочинялась не для одной персоны, а для группы лиц. Затем первоначальный замысел автора относительно адресата изменился, и теперь новый вариант текста предназначался императрице.

В пользу гипотезы о двухэтапном процессе создания «Записки» говорит анализ еще одного расхождения в ее списках. Оно касается описания ареста в Петербурге в 1724 г. наказного малороссийского гетмана Павла Полуботка и представителей малороссийской старшины и их освобождении (см. таблицу 2).

В списке Воронцова сверхлаконичное описание событий напоминает план из трех пунктов: 1. Причины наказания гетмана и старшины в 1724 г. 2. Форма наказания. 3. Причина освобождения арестованных. План лишен личных имен, поэтому читателю неясно, кто из самодержцев проявил «великодушие» и выпустил старшину из крепости. Предельная конспективность повествования явно свидетельствует о намерении автора вернуться в будущем к детальному освещению событий.

Первые два пункта условного плана повторены в списках Кулиша и Василенка, как говорится, «слово в слово» (см. таблицу 2), хотя ряд расхождений в чтениях трех списков все-таки имеется: «разорений» (списки Воронцова и Василенка) и «распрей» (список Кулиша); «главнейшая старшина» (список Воронцова) и «главнейшие старшины» (списки Кулиша и Василенка); «забраты» (списки Воронцова и Василенка) и «забраны» (список Кулиша). Этот перечень дополним заменой в третьем пункте условного плана деепричастия «ождая» (список Воронцова) на существительное «в ожидании» (списки Кулиша и Василенка).

Таблица 2 – Описание ареста и освобождения малороссийского гетмана и старшины

Список Воронцова	Список Василенка	Список Кулиша
«Почему, как по причине других самовольств, так и в пресечение сих не порядков и народных разорений, все почти главнейшая старшина в 1724-м году в крепость были забраты; но великодушием монаршим все было оставлено, ожидая от них исправления» [4, с. 365]	«Почему как по причине других самовольств, так и в пресечение сих не порядков и народных разорений, все почти главнейшие старшины в 1724-м году в Петербургскую крепость были забраты, но милостивым указом, после кончины сего государя, императрицею Екатериною Алексеевною 1-ю в 1725 году были отпущены, в ожидании от них исправления» [2, с. 41]	«Почему, как по причине других самовольств, так и в пресечение сих не порядков и народных распрей, все почти главнейшие старшины в 1724 году в С.-Петербургскую крепость были забраны, но милостивым указом, после кончины сего государя, императрицею Екатериною Алексеевною Первою, в 1725 году были отпущены, в ожидании от них исправления» [5, с.182]

Если сравнить описания событий в списках Кулиша и Василенка, то, помимо указанных выше двух разночтений в их текстах, несовпадение встретилось в наименовании крепости, куда были отправлены арестованные малороссы: Петербургскую – в списке Василенка и С.-Петербургскую (сокращение до одной буквы в публикации. – Т.К.) – в списке Кулиша (название крепости в списке Воронцова отсутствует). Впрочем, едва заметное добавление в списке Кулиша слова С[анкт] было сделано скорее не автором, а позднейшим копиистом.

Что касается третьего пункта плана, то в списках Кулиша и Воронцова его текст развернут несколькими внятыми пояснениями: из крепости арестованные Петром Великим были выпущены после его кончины в 1725 г. императрицей Екатериной Алексеевной Первой, издавшей по этому случаю специальный указ. Г.Н. Теплов имел в виду, без сомнения, указ 8 февраля 1725 г., в котором подробно излагалась официальная версия произошедшего [12, т. 7, № 4651].

Расширенным описанием освобождения старшины в 1725 г. подтверждается вторичность списков Кулиша и Василенка и первичность списка Воронцова. Зависимость текста с развернутым описанием событий, произошедших с Полуботком и старшиной, от текста списка Воронцова может быть объяснена правилом *Brevior lectio potior*: из двух разночтений более короткое или принадлежит оригиналу, или является близким к нему по времени. Правило, применяемое к вариантам одного произведения одного автора, выстраивает относительную хронологию версий авторского текста, т.е. показывает развитие текста от краткого к пространному как движение от раннего текста к позднему, переработанному.

Новый взгляд на происхождение «Записки» усложняет решение вопроса о ее датировке. Если ранее исследователи датировали источник, подразумевая тождество его текста во всех трех списках, то с учетом предложенной нами гипотезы необходимо датировать варианты текста.

Время возникновения первого варианта мы относим к правлению императрицы Елизаветы Петровны [8, с. 28; 9, с. 234–236]. Для датирования переработанного текста аргументы следует искать, конечно, в списках Кулиша и Василенка, и, действительно, только в этих списках встречено личное имя императрицы Екатерины Алексеевны с порядковым числительным «Первая» (см. таблицу 2), и этот вариант титулования может быть использован, как мы полагаем, в качестве датирующей приметы.

Традицию указывать порядковое числительное при имени российского императора, вступившего на престол, ввел Петр Первый, позаимствовав этот элемент титула из западноевропейской практики. От нее, однако, в Российской империи было отличие: «... западные монархи, имена которых часто совпадают (как это характерно вообще для правящих династий, где наименование обычно означает претензию на власть ...) называются «первыми» не в эпоху их правления, а за д н и м ч и с л о м (разрядка в публикации. – Т.К.), т.е. ретроспективно; Петр же называет себя так проспективно: он устремлен не только в прошлое, но и в будущее» [14, с. 217].

Петр Алексеевич, став первым российским императором, издал специальный указ о вариантах своего нового титулования [12, т. 6, № 3850]. В варианте титула, который должен использоваться в грамотах, отправляемых за рубеж и предназначенных для подданных внутри государства, его личное имя сопровождалось определением «Первый». Другой вариант – «Петр Великий» – требовалось писать в челобитных и отписках, т.е. документах, поступавших на имя императора из государственных учреждений и от частных лиц, а также в «пашпортах». В указе был приведен еще один вариант – безымянные формулы обращения к императору и его упоминания для указов, доношений и другой документации: «Ваше императорское величество» и «Его императорское величество».

Впоследствии каждый новый самодержец также законодательно устанавливал несколько формулировок своего титула для делопроизводственной документации. В XVIII в. формулы были утверждены в начале правления Екатерины Алексеевны [12, т. 7, № 4647], Петра II [12, т. 7, № 5071], Анны Иоанновны [12, т. 8, № 5501], Елизаветы Петровны [12, т. 11, № 8475], Петра III [12, т. 15, № 11392], Екатерины II [12, т. 16, № 11590]. Однако у Екатерины Алексеевны и Анны Иоанновны не было варианта титула с порядковым номером.

Как известно, Петр I высказал намерение возложить императорскую корону на голову супруги 15 ноября 1723 г. [12, т. 7, № 4366]. Ее коронование состоялось 7 мая 1724 г., престол же Екатерина Алексеевна заняла 28 января следующего года. Указ об официальных титулах преемницы Петра I был издан 3 февраля 1725 г. В нем приведены два варианта титула с включением личного имени самодержицы. Одна формула предназначалась для императорских грамот внутри России: «Божиею милостию, мы, Екатерина, императрица и самодержица всероссийская...», а вторая – для челобитных и отписок, т.е. документов, отправляемых на имя императрицы: «Всепресветлейшая, державнейшая, великая государыня императрица Екатерина Алексеевна и самодержица всероссийская...» [12, т. 7, № 4647]. Так же, как в указе Петра I, были приведены и безымянные формулы титулования.

Итак, если Петр I определил порядковый номер при своем имени сам, то его вдова, правившая империей почти два года, получила такой номер – по образцу западной традиции – после кончины. Он сопровождает имя Екатерины Алексеевны, к примеру, в Полном собрании законов Российской империи, изданном спустя сто лет после ее царствования. Здесь слово «Первая» включено как в наименование рубрики, объединившей публикуемые документы времени правления Екатерины Алексеевны: «Царствование государыни императрицы Екатерины Первой» [12, т. 7, с. 410], так и редакционные заголовки к отдельным документам, например, упомянутому выше указу 3 февраля 1725 г. «О титулах государыни императрицы Екатерины I» или указу 17 февраля 1725 г. «О сделании печатей с титулом императрицы Екатерины I» [12, т. 7, № 4657] и т.д. Но в Полном собрании законов определение было всего-навсего элементом позднейшего археографического оформления прижизненных документов императрицы, не имевших в ее титуле порядкового числительного.

Когда же возникла необходимость присоединить к имени Екатерины Алексеевны определение «Первая»? Ответ на вопрос очевиден: когда 28 июня 1762 г. императорский трон заняла ее тезка. Теперь для различения правительниц с одинаковыми именами и отчествами каждой из них требовалось присвоить порядковые номера. И уже 2 июля 1762 г. в указе о формулах официального наименования новой императрицы один из вариантов ее титула включил определение «Вторая» [12, т. 16, № 11590].

Таким образом, вариант титула первой российской императрицы с порядковым числительным появился спустя несколько десятилетий после ее царствования. Если ориентироваться на этот скорректированный позднее вариант титула Екатерины Алексеевны, временной интервал для переработки «Записки» будет ограничен, с одной стороны, днем восшествия Екатерины II на престол, а с другой – 10 ноября 1764 г., когда публично было объявлено об отставке гетмана К.Г. Разумовского, который во всех списках именовался «нынешним гетманом», т.е. действующим.

Для признания этого интервала необходимо, однако, наличие в императорском титуле не только слова «Первая», но и собственноручного его начертания Г.Н. Тепловым. Последнее условие является гарантом надежности установленной датировки. Но по публикациям 1857 г. и 1911 г. присутствие числительного, написанного в оригинале рукой автора, доказать невозможно.

Сомнения в рассчитанной датировке возрастают из-за умолчаний в источнике событий, произошедших в первые годы правления Екатерины II. Так, упоминая о гетманских ревизиях 1750-х гг., автор молчит о ревизии 1763–1764 гг. [8, с. 7; 9, с. 234]. В отредактированном тексте отсутствуют описания или упоминания каких-либо событий, в которых активно участвовали и гетман К.Г. Разумовский, и автор «Записки». Г.Н. Теплов мог бы напомнить императрице, в частности, о важнейшей роли гетмана в событиях, приведших ее на трон. Более того, в тексте не затронут ни один из аспектов административной реформы 1764 г. Анализ содержания «Записки» во всех ее списках свидетельствует о том, что Г.Н. Теплов не высказывался за отставку действующего гетмана и ликвидацию института гетманства [8, с. 25–27; 10, с. 38–49]. Наоборот, он отмечал трудности гетмана в управлении Малой Россией и объяснял их не ошибочными действиями К.Г. Разумовского, а сохранением малороссийского права. Отношение автора к институту гетманства оставалось неизменным со времени создания первоначального текста «Записки», т.е. времени, когда, как писал Н.П. Василенко, еще «не поднимался вопрос об уничтожении гетманства и особого строя Украины; не было речи о таких реформах, которые бы по сути изменили весь политический строй» [2, с. 23], и до завершения работы над вторым вариантом ее текста. Здесь уместно сослаться на результаты текстологической работы Зенона Е. Когута, который не обнаружил смысловых различий в списках Воронцова и Василенка, содержащих соответственно первоначальный и впоследствии измененный варианты текста «Записки».

Из всего сказанного следует, что Г.Н. Теплов не только написал первоначальную версию, но и ее отредактировал во время правления Елизаветы Петровны – адресата нового варианта текста. Отсутствие принципиальных различий в версиях «Записки» связано с тем, что второй вариант создавался почти сразу после написания первого. Это означает, что окончательный вариант «Записки» возник, согласно нашим рассуждениям, до воцарения Екатерины II.

Что касается числительного «Первая» при имени Екатерины Алексеевны как датирующего признака, то в отношении «Записки» оно не выполнило свою вспомогательную функцию. Более того, предлагаемая нами датировка второго варианта источника позволяет сделать вывод об отсутствии этого числительного в оригинале нового тепловского текста. Иначе говоря, при переработке текста «Записки» еще не требовалось от Г.Н. Теплова уточнять, какую из двух российских императриц с одинаковыми именами и отчествами он имел в виду.

Кто же и когда прибавил в «Записке» к имени императрицы слово «Первая»? На наш взгляд, вполне допустимо предположение о М.О. Судинке, который вмешался в список, подготовленный для печатного набора «Записки». При отсутствии в середине XIX в. единых рекомендаций относительно точности в передаче текстов исторических источников каждый археограф самостоятельно решал проблему соответствия рукописного текста печатному аналогу [1, с. 150–151; 15, с. 170–172]. М.О. Судинко заявил о себе как приверженце буквальной передачи текста, хотя и допускал исправление ошибок источника при крайней необходимости. Свое отношение к данной археографической проблеме он раскрыл в «Материалах для отечественной истории»: «... При издании мы строго придерживались рукописей и о[т]ступали от них только там, где ошибка переписчика была явна. Подлинная рукопись «Описания имений» («Описание имений, принадлежавших гетману Даниилу Апостолу») опубликовано в первом томе «Материалов для отечественной истории». – Т.К.) писана различными почерками, поэтому в ней иногда одно и то же слово пишется различным образом; вероятно, в этом случае составитель придерживался местного произношения, или обнаруживал свой местный выговор, столь разно[о]бразный в южной части России. Мы не решились посягнуть и в этом отношении на рукопись, тем более что смысл речи от такого строгого следования подлиннику ничего не теряет, а при произвольном исправлении потеря была бы значительна для истории народного говора» [11, с. IV].

Если справедливо наше предположение о вмешательстве М.О. Судьенка в текст «Записки» на стадии ее подготовки к печати, то украинский археограф, по-видимому, не рассматривал вставку определения «Первая» как «произвольное исправление», влиявшее на «смысл речи». Наоборот, добавленное слово должно было стать штрихом, вносящим ясность в текст, созданный сто лет назад и уже поэтому нуждавшийся в комментариях. Определение «Первая» при имени императрицы Екатерины Алексеевны и было историческим комментарием М.О. Судьенка для последующих поколений читателей «Записки» и ее исследователей.

Выводы

При пословном сравнении текстов трех печатных списков «Записки» обнаружен не замеченный нашими предшественниками факт переадресовки ее текста. Этот факт означает, что в истории создания источника было, по крайней мере, два этапа, на каждом из которых создавались тексты для разных получателей. Первоначальный текст «Записки», содержащийся в списке Воронцова, был создан в конце 1750-х гг., т.е. в годы правления императрицы Елизаветы Петровны, но ей не предназначался. Вскоре Г.Н. Теплов адресовал Елизавете Петровне несколько переработанный вариант «Записки», читаемый теперь в списках Кулиша и Василенка. Отсутствие смысловых различий в текстах трех списков свидетельствует о том, что, во-первых, создание новой версии текста было обусловлено решением автора отправить «Записку» императрице; во-вторых, временной разрыв между вариантами не был длительным. Оба варианта текста «Записки» были созданы в промежутке от конца 1750-х гг. до 25 декабря 1761 г., дня кончины императрицы Елизаветы Петровны.

Библиография

1. Афиани В.Ю., Комочев Н.А. Археография. Теория, история и методика: Учеб. М.: РГГУ, 2023. 300 с.
2. Василенко М. Г.Н. Теплов і його «Записка о непорядках в Малороссии» // Записки Українського товариства в Києві. Київ, Держ. Вид-во України, 1911. Вип. 9. С. 29–54.
3. Журба О.И., Литвинова Т.Ф. Гетманщина в представлениях украинской интеллектуальной элиты второй половины XVIII – XIX в. Часть 1 // Диалог со временем. 2020. № 3. С. 112–126. URL: <https://roii.ru/r/1/73.9> (дата обращения 14.12.2023)
4. Записка о Малой России // Архив князя Воронцова. М.: Унив. тип., 1882. Т. 25. С. 350–381.
5. Записка члена Малороссийской коллегии Григория Николаевича Теплова, составленная в царствование императрицы Елисаветы Петровны: «О непорядках, которые происходят от злоупотребления прав и обыкновений, грамотами подтвержденных Малороссии» // Записки о Южной Руси / Изд. П. Кулиш. СПб.: тип. А. Якобсона, 1857. Т. 2. С. 169–196.
6. Когут Зенон. Російський централізм і українська автономія: Ліквідація Гетьманщини, 1760–1830. Київ: Основи, 1996. 317 с. (Західна історіографія України; Вип. 2).
7. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. Изд. 4-е. М.: ЛЕНАНД, 2018. 176 с.
8. Круглова Т.А. К вопросу о времени составления «Записки о непорядках в Малороссии»: в царствование Елизаветы Петровны или Екатерины II? // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2011. № 4. С. 3–30.
9. Круглова Т.А. К вопросу о датировке «Записки о непорядках в Малороссии» // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вторые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 17–19 ноября 2011 г. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2011. С. 232–236.
10. Круглова Т.А. Отношение Г.Н. Теплова к институту гетманства: анализ метафоры в «Записке о непорядках в Малороссии» // История России, русской культуры и русской церкви

в IX–XVIII столетиях. Материалы Всероссийской конференции IV научные чтения памяти профессора В.А. Плугина / Сост. Д.М. Володихин. М.: Снежный Ком М, 2022. С. 38–49.

11. Материалы для отечественной истории. Киев: Унив. тип., 1853. Т. I. 637 с.

12. Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое. СПб.: Второе отделение Собственной Его императорского величества канцелярии, 1830. Т. 1–45.

13. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: В 15 книгах. М.: Соцэкгиз, 1965. Кн. XIII. Т. 25–26. 647 с.

14. Успенский Б.А. Петр Первый и переосмысление понятия империи // Факты и знаки: Исследования по семиотике истории. Вып. 3 / М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 209–250.

15. Шашкова О.А. «... Даёт язык немим вещественным памятникам». Очерки истории археологии XV – начала XX в. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 479 с.

16. Kohut Z.E. Russian Centralism and Ukrainian Autonomy: Imperial Absorption. 1760s – 1830s. Cambridge (Mass.). 1988. XV, 363 p.

ONCE AGAIN ABOUT THE TIME OF CREATION BY G.N. TEPOV “NOTES ON THE DISORDER IN MALOROSSIYA”

Kruglova T.A.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Abstract

Disagreements concerning the time when G.N. Teplov (1711?-1779) wrote his undated "Notes on Disorder in Malorossiya" became apparent in historical science in the second half of the 19th century. In 1857 it was suggested to attribute the creation of the source to the years of Elizabeth Petrovna's reign. Two decades later, in 1876, the dating was declared erroneous, and the opinion was expressed that the text was written at the beginning of the reign of Catherine II. Today, both opinions coexist in the historiographical space, though with the dominance of the second one. The opponents, disagreeing with each other in the dating of the "Note on the Disorder in Malorossiya", are united in the definition of its genre as a message addressed either to Elizabeth Petrovna or Catherine II. This article argues the hypothesis of two stages of G.N. Teplov's work on the "Note on the Disorder in Malorossiya". The hypothesis is put forward on the basis of the discrepancies revealed by the word-by-word comparison of the texts in the three lists of the source known today. According to the results of the analysis of the obtained facts, G.N. Teplov started writing the text twice and both times during the reign of Elizabeth Petrovna. The time of G.N. Teplov's work on "A note about the disorder in Malorossiya" can be limited to the period from the end of the 1750s to the beginning of the 1760s, more precisely, to the death of the Empress on December 25, 1761.

Keywords

“Note on the Disorder in Malorossiya”, G.N. Teplov, dating, textual analysis, discrepancies, variants of the text, addressees, Empress Catherine Alexeevna, Empress Elizabeth Petrovna, Empress Catherine II.